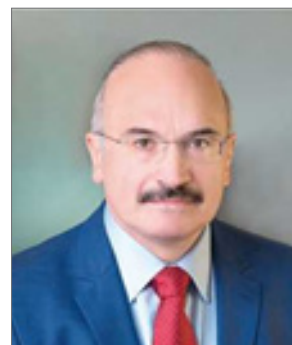

Научно-технологическое развитие в зеркале правовой мемологии: к проблеме ценностных оснований технореальности

Аннотация. В статье рассматривается влияние научно-технологического развития на трансформацию правовой реальности через призму нового междисциплинарного направления — правовой мемологии (правомеметики). Автор констатирует кризис классической юриспруденции в условиях становления технореальности, характеризующейся размытием правосубъектности, конкуренцией позитивного права с алгоритмическим регулированием и утратой темпоральной актуальности законодательства. В качестве эвристически продуктивного подхода предлагается методология В. В. Лазарева, рассматривающая государственно-правовые явления как эволюционирующие мем-комплексы — устойчивые образы и символы, управляющие общественным сознанием. С позиций правомеметики анализируются ключевые категории научно-технологической политики: «прогресс», «потенциал», «прорыв», «лидерство» и «суверенитет». Показано, что данные понятия выступают не как нейтральные термины, а как «вирусы смысла», формирующие ценностные установки права и общества. Выявлены риски, связанные с их нерелексивным использованием: подмена реальных результатов индикативными показателями, оправдание правовых исключений риторикой «прорыва» и имплементация чужеродных институтов под видом погони за «лидерством». Для преодоления ценностного перекоса в сторону «эффективности любой ценой» автором предлагается внедрение в правовой дискурс альтернативных мем-комплексов: «технологической адекватности», «цифровой достаточности», «антропотехнического баланса» и «правды технологий». Особое внимание уделяется необходимости «онтологической неприкосновенности» личности, исключающей редукцию человека к алгоритмическому профилю. В заключение обосновывается потребность в формировании системной правомеметической политики, призванной не просто регулировать риски, но и выступать «селекционером смыслов» и «вакциной» от деструктивных техногенных мемов, обеспечивая ценностно-цивилизационную идентичность новой технореальности.

Ключевые слова: правомеметика, научно-технологическое развитие, технореальность, ценностные основания права, юридическая онтология, антропологический баланс

Сергей Владимирович КАБЫШЕВ,
председатель Комитета Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации по науке и высшему образованию, профессор кафедры конституционного и муниципального права Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)
svkabyshev@mail.ru
125993, Россия, г. Москва, ул. Садовая-Кудринская, д. 9

DOI: 10.17803/2311-5998.2026.137.1.199-205

Sergey V. KABYSHEV,

*Chairman of the State Duma Committee of the Federal Assembly
of the Russian Federation on Science and Higher Education,
Professor of the Department of Constitutional and Municipal Law
of the Kutafin Moscow State Law University (MSAL)*

svkabyshv@mail.ru

9, ul. Sadovaya-Kudrinskaya, Moscow, Russia, 125993

Scientific and Technological Development in the Mirror of Legal Memology: to the Problem of the Value Foundations of the Technoreality

Abstract. *The article examines the impact of scientific and technological development on the transformation of legal reality through the lens of a new interdisciplinary field: legal memology (pravomemetics). The author notes the crisis of classical jurisprudence in the context of the emergence of a techno-reality characterized by the erosion of legal personality, the competition between positive law and algorithmic regulation, and the loss of temporal relevance of legislation. As a heuristically productive approach, V. V. Lazarev's methodology is proposed, which considers state and legal phenomena as evolving meme complexes — stable images and symbols that govern public consciousness. From the perspective of legal memetics, the key categories of scientific and technological policy are analyzed: “progress”, “potential”, “breakthrough”, “leadership”, and “sovereignty”. It is shown that these concepts are not neutral terms, but “viruses of meaning” that shape the values of law and society.*

Special attention is paid to the need for the “ontological inviolability” of the individual, which excludes the reduction of a person to an algorithmic profile. In conclusion, the need for a systemic legal policy is substantiated, which is designed not only to regulate risks, but also to act as a “selector of meanings” and a “vaccine” against destructive technogenic memes, ensuring the value-based and civilizational identity of the new technological reality.

Keywords: *legal genetics, scientific and technological development, techno-reality, value foundations of law, legal ontology, and anthropological balance*

Научно-технологическое развитие не просто предполагает смену технологического уклада, но и сопряжено с масштабными антропологическими и общественно-государственными изменениями. Эти изменения ведут к формированию новой технореальности с системными вызовами для юриспруденции. Современное право существует в контексте экзистенциальных угроз, в числе которых можно выделить (не преуменьшая при этом значения иных, здесь не упомянутых): размывание классической правосубъектности и индивидуальной автономии на базе трансгуманизма, микротаргетированного алгоритмического воздействия, предикции; ослабление, конкурентное «сжатие» позитивно-правовой нормативности при активизации неформализованного регулирующего эффекта

информационно-технологических систем; пространственный, темпоральный и дисциплинарный кризис права, рискующего утратить территориальную определенность (метавселенные, трансграничные платформы, облачная инфраструктура), актуальность (технологии и связанная с ними техновласть опережает законодателя) и суверенность.

Перед фундаментальной юриспруденцией новая технореальность ставит вопрос об адекватной правовой парадигме, концептуальный базис и методологический инструментарий которой позволили бы не столько обеспечить научно-технологические преобразования, которые во всяком случае не могут считаться самоцелью, сколько в полной мере овладеть ими. В конечном счете речь идет о подчинении научно-технического потенциала на всем пространстве его социальной динамики гуманистическим, духовно-нравственным идеалам, целям и ценностям, извечным хранителем которых было и должно оставаться право.

В этом плане особого внимания заслуживает такой аспект нарождающейся технореальности, как все более широкое распространение меметической регуляции, при которой нормы фактически существуют, действуют, транслируются через содержательно насыщенные, предметно концентрированные и эмоционально заряженные, а зачастую вирусно масштабируемые слова, образы и символы (своего рода «вирусы смысла»). Мемы, словесные или визуально-текстовые клише, становятся, по существу, носителями правовой информации, не только упрощают и делают более доступным для понимания нормативное содержание правоустановлений, но и формируют непосредственно воздействующий на поведение эмоционально-смысловой образ права, отношение к нему общества, образуют воспринимаемое пространство правовой реальности. С этим сопряжены как преимущества более глубокого понимания и реализации механизма правового регулирования, функционирующего при опосредовании культурно-историческим и социально-психологическим контекстом, так и объективные риски, включая профанацию права (упрощение нормы до лозунга ведет к правовому инфантилизму), правовые манипуляции (мем может формировать искаженный образ права, в том числе дискредитирующий правовые институты), регулятивную неопределенность (мем изменчив, пластичен и многозначен, допуская спектр разнообразных, в том числе взаимоисключающих, трактовок).

Вместе с тем введенная В. В. Лазаревым¹ в концептуально-методологический оборот отечественной юриспруденции правовая мемология (или правомеметика) как междисциплинарная область знаний (и метод исследований), призванная служить современной формой рефлексии права применительно к реальности, неотъемлемой частью которой мемы уже стали, получила пока очень скромное теоретическое развитие². Правовые дискуссии о мемах сфокусированы в основном на авторском и деликтном праве.

В. В. Лазарев вывел проблему необходимости обоснования правомеметики из вопросов актуальной юридической онтологии: не копируют ли себя законы в

¹ Лазарев В. В. Толкование права: классика, модерн и постмодерн // Журнал российского права. 2016. № 8. С. 15—28 ; *Его же*. Государство в свете мемологии // Журнал российского права. 2020. № 3. С. 5—18.

² Залоило М. В. Правомеметика. М. : Инфотропик Медиа, 2024. 172 с.

судебных решениях; не размножаются ли судебные решения в качестве прецедентов; не зависят ли судьба и выживание законодательных мемов и судебных прецедентов от окружающей среды; нет ли таких носителей, которые намеренно пытаются внедрить правовые мемы? Взгляд с этой позиции позволил В. В. Лазареву, в частности, по-новому раскрыть механизмы преемственности, легитимации и трансформации власти, показать, что государственность — это не только институты и нормы, но и устойчивые образы-симулякры (например, «государство-Левиафан», «государство — ночной сторож»), которые конкурируют, видоизменяются и используются в политической борьбе. Тем самым предложена эвристически сильная и продуктивная метатеория, позволяющая описывать и анализировать государственно-правовую реальность в аспекте эволюционирования социокультурных образов, символов и смыслов.

Применение этой оптики к научно-технологическому развитию и его правовому сопровождению представляется необходимым и крайне важным, поскольку позволяет не только увидеть и раскрыть информационно-смысловые и культурно-политические факторы определения направлений и правового содержания научно-технологического развития, используемых нормативных конструкций и тем самым «демистифицировать» юридический язык правовой политики инноваций, обеспечить ее более адекватное ценностно-цивилизационному (идейно-смысловому) базису предметно-структурное наполнение, но и прогнозировать через анализ зарождающихся мемов перспективную динамику правового регулирования.

Рассматриваемое с позиции правовомеметики научно-технологическое развитие предстает как смысловое пространство для воплощения и «борьбы» конкурирующих мем-комплексов. В этом плане категории с научно-технологическим атрибутивом (потенциал, прогресс, суверенитет, лидерство), а равно иные (например, импортозамещение, импортоопережение) выступают не просто как нейтральные лексические единицы, приобретающие определенное нормативно-правовое содержание, но и как высокофункциональные мемы, имеющие мощный и специфический ценностный заряд.

Так, прогресс формирует образ императива безостановочного движения вперед, что порождает смысловое напряжение с традицией и позволяет маркировать осторожность как «отсталость». Прогресс, воспринимаемый как безусловное благо, может порождать правовую презумпцию полезности всего, что соотносено с прогрессивностью. Возникает ловушка телеологии без ответственности (восприятие нормальности безрезультатных экспериментальных режимов, обоснование отмены защитных правовых механизмов для обеспечения прогрессивных нововведений и т.п.).

Научно-технический потенциал в юридическом дискурсе воспринимается как нечто объективно существующее (в виде системной совокупности кадров, институтов, оборудования, идей и т.п.). Но правовомеметика дает возможность взглянуть на это понятие иначе, делая акцент на том, что соответствующий потенциал — не столько объективная данность, сколько способ ее описания, который сам начинает формировать правовые нормы и обеспечивает определенное распределение ресурсов. В меметическом измерении научно-технический потенциал служит как своеобразный мета-мем, который управляет другими мемами. Потенциал дает образ фундаментальности, могущества, что позволяет ставить его

(сам по себе) в основание (и обоснование) принимаемых решений, не исключая при этом разнообразных спекуляций. При этом потенциал требует управления ресурсами, которое право должно измерять, что формирует веер меметических индикаторов (наукометрия, инновационность экономики и т.п.). Возникает риск смыслового сдвига правовой парадигмы, которая ориентируется не на фактический (социально-практический), а на сугубо индикативно-отчетный (ведомственно-бюрократический) результат.

Если же потенциал не конвертируется в реальные технологии, право начинает работать на имитацию. Это порождает феномен «симулятивной технореальности», где бюрократический отчет о потенциале подменяет собой действительное технологическое приращение, а право вместо регулирования инноваций начинает регулировать отчетность об инновациях, окончательно утрачивая связь с материальной действительностью. Вместе с тем потенциал неразрывно связан как с мемом безопасности (потенциал — ресурс обороны, но объект охраны, утрата которого недопустима), так и с мемом будущего (потенциал как надежда, обещание и основание для доверия). Хотя право через категорию «потенциал» может обязывать научное сообщество к выполнению обещаний, оно не может гарантировать их исполнения, поскольку действует в аспекте формы науки, но не в области содержания научного творчества.

Мем научно-технологического прорыва акцентирует революционную решимость изменений, что может служить оправданием временных издержек и рисков ради достижения цели, оправдывая особые (экстренные) меры, отказ от стандартных процедур, механизмы ручного управления и режимы исключений. Право, ориентированное на прорыв, не должно превращаться в инструмент бесконтрольного администрирования.

Мем технологического лидерства строится на сравнительной категории, внедряет логику геополитической или рыночной гонки, где ценность технологии определяется не по внутренним признакам, а, скорее, сквозь призму опережения других. Недостаточно развития как такового, необходимо развитие, позволяющее обогнать других. Это может приводить к переориентации права от внутренних потребностей на внешние индикаторы и при этом парадоксальным образом служить источником имплементации модели догоняющего развития (стремление к лидерству ведет к правовым и институциональным заимствованиям у лидеров, что может происходить без учета или в ущерб национальной инфраструктурной и культурной специфике).

Мем «технологического суверенитета» апеллирует к архетипам независимости, безопасности и идентичности, способствуя не только мобилизации, но и актуализированному (технологически овециствленному) восприятию государственного могущества, формируя при этом требующее урегулирования проблемное поле внешних связей.

При взгляде на существующий правомеметический комплекс научно-технологического развития с позиции концептуально-семантической сбалансированности и достаточности можно видеть определенный ценностный перекосяк в сторону эффективности, скорости и могущества, что требует обсуждения меметических противовесов и уточнений, которые правовая политика могла бы культивировать. Обозначим некоторые такие возможные мемы:

а) технологическая адекватность (в соотношении с тотальным лидерством) — мем о соответствии технологий не абстрактному мировому уровню, а конкретным культурным, экологическим и социальным условиям общества. Соответственно, право должно поощрять не самое «передовое», а самое уместное;

б) цифровая достаточность (в соотношении с прогрессом любой ценой) — мем о праве на отказ от избыточной цифровизации, ценности аналоговых пространств, «медленных» технологий. Соответственно, право должно обеспечивать и благоприятствовать жизни офлайн, ограничивать навязывание цифровых решений;

в) антропотехнический баланс (как ядро прорыва) — прорыв должен оцениваться не только по параметрам системы, но и по критерию усиления, а не вытеснения человеческих качеств (креативности, эмпатии, мудрости). Соответственно, право должно обеспечивать в том числе «антропологическую экспертизу» технологий;

г) «правда технологий» (духовно-нравственный фундамент любых технологических решений, инноваций) — мем о том, что каждая технология несет в себе не просто конструктивное, процедурное решение, но и неявную, но сущностно значимую антропологическую и социальную модель, которая должна выявляться и оцениваться с позиции духовно-нравственных ценностей. Это имеет значение в том числе на уровне терминологической фиксации технологий. К примеру, искусственный интеллект — не просто инструмент, но и явный мем, несущий определенное понимание разума. Игнорирование этой глубинной семантики технологии неизбежно ведет к ценностной капитуляции права: формально разрешая искусственный интеллект, мы неявно легитимируем техногенную модель рациональности, исключаящую в том числе иррациональные, интуитивные или духовные аспекты человеческого бытия. Право, таким образом, должно стать инструментом не только разрешения, но и герменевтики — истолкования техносмыслов, скрытых за функциональностью машин. Посредством права должно обеспечиваться распознавание и легитимация (либо запрет) скрытых моделей, а технологии не должны оцениваться только по заявленным функциям (для удобства, безопасности, эффективности). Необходимо выявлять, какую модель человека и общества фактически утверждает эта технология своей архитектурой; совместима ли эта модель с духовно-нравственными идеалами и конституционными императивами; какие социальные практики и человеческие качества она развивает или ослабляет, какие делает устаревшими, а какие обязательными.

В ряде случаев может быть необходимо более существенное и принципиальное правовое воздействие для коррекции правомеметического пространства научно-технологического развития с тем, чтобы обеспечить его ценностно-цивилизационную адекватность.

В частности, мем «инновации» должен быть очищен от восприятия как самоцели в пользу понимания инноваций как служения. Это может предполагать, например, смещение акцента с патентной активности и объемов венчурных инвестиций на социально значимые результаты (решение проблем конкретных сообществ, повышение качества жизни, а не только ее «удобства»). Мему технологического детерминизма должен быть противопоставлен технологический выбор, предполагающий формирование правовой доктрины и политики по принципу: не технологии управляют нами, а мы через право и политику выбираем траекторию

технологического развития (не только биотехнологии, но и решения, подобные социальному рейтингу, требуют осознанного суверенного выбора сообразно ценностно-цивилизационной идентичности). В противном случае существует риск, не только обусловленный самой внутренней структурой конкретных технологий и производный непосредственно от них, но и вызванный нормативной имплантацией опосредованных данными технологиями чуждых ценностей (поскольку любая технология так или иначе отражает в своей архитектонике представления о справедливости, приватности, субъектности и т.п.). Правовая система должна выступать здесь не просто адаптером, но суверенным фильтром, верифицирующим технологические решения на предмет их соответствия конституционной идентичности. Мем «данные — новая нефть» означает редукцию человека к сырью, ресурсу, в связи с чем оправдана постановка вопроса о цифровой интимности, цифровом достоинстве и онтологической неприкосновенности личности, исключающих сведение человека к алгоритмическому профилю.

Правовая мемология, превращая юриста из инженера норм в селекционера смыслов и своеобразного эколога правовой культуры, призвана в эпоху научно-технологического развития обеспечивать не просто правовое регулирование рисков, но и формирование системной и ответственной правомеметической политики для обеспечения ценностно-цивилизационной идентичности технореальности. Это предполагает, в частности, необходимость диагностирования токсичных, дефектных, дисфункциональных мемов в технологическом дискурсе, конструирования и легитимирования (через правовую доктрину, законодательство, судебную практику) альтернативных жизнеутверждающих мем-комплексов (адекватность, ответственность, баланс, служение).

Правовая мемология позволяет перейти от пассивной регистрации технологических изменений к активному проектированию **ценностного ландшафта** технореальности. Создание правомеметических «вакцин» — принципов, запретов и процедур — призвано выработать у общества нормативный иммунитет к деструктивным смыслам, превратив право из инструмента сопровождения научно-технического прогресса в его суверенного архитектора, оперирующего категориями не только эффективности, но и духовной безопасности.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. *Залоило М. В.* Правомеметика. — М. : Инфотропик Медиа, 2024. — 172 с.
2. *Лазарев В. В.* Государство в свете мемологии // Журнал российского права. — 2020. — № 3. — С. 5—18.
3. *Лазарев В. В.* Толкование права: классика, модерн и постмодерн // Журнал российского права. — 2016. — № 8. — С. 15—28.